

Из восьмидесяти прожитых мною лет половину провёл в городе Киселёвске. Ему в основном посвящается повесть. А ещё деревне Афонино, с которой и начинался город Киселёвск.

ПАРИЖ – ПЕТЕРБУРГ – АФОНИНО (Пролог)

1845 год. В Париже выходит книга «Путешествие в Восточный Алтай и пограничные места с Китаем».

Её автор – Пётр Александрович Чихачёв, выдающийся русский учёный, географ, геолог, картограф, почётный член Петербургской Академии Наук.

Чиновник особых поручений при... министре финансов – такова была его официальная должность на то время.

Это был необыкновенный человек с необычайной любознательностью. Обладая обширными знаниями в области географии, геологии и картографии, он интересовался, кроме того, астрономией, палеонтологией, эмбриологией и кристаллографией.

А ещё, чтобы пополнить свои знания, уезжал в Германию учиться в Горной академии.

И вот именно он за три года до издания книги по поручению Николая Первого организовал и возглавил экспедицию в Восточный Алтай и пограничные с Китаем места.

Российский император поставил перед Петром Чихачёвым две очень важные задачи.

Первая. На основании образцов растительных ископаемых, взятых ранее в окрестностях сибирской деревни Афонино и хранящихся в Императорском горном институте г. Петербурга, определить границы угольного месторождения.

И вторая, не менее важная задача, – уточнить до сих пор не обозначенные пограничные территории с большим соседом Китаем.

1842 год. Состав экспедиции, организованной молодым, тридцатитрёхлетним Петром Чихачёвым, был довольно внушительным. В неё входили топограф, горный специалист, промысловщик, лекарь, толмач (переводчик), носильщики, охрана и даже художник. Всего около пятидесяти человек.

Но прежде чем отправиться в столь далёкое и нелёгкое путешествие, Чихачёв, естественно, по рекомендации российского императора посетил Петербургский горный институт, где ознакомился с находящимися там образцами растительных ископаемых, обнаруженных возле деревни Афонино в далёкой Сибири.

Вот как автор книги, изданной в Париже, описывает тот момент, когда их караван приближался к намеченной и долгожданной цели – деревне Афонино, где ему, Петру Чихачёву, не терпелось посетить её окрестности: «Для того чтобы отпра-

виться в деревню Афонину, находящуюся в 125 вёрстах от Кузнецка, мы двинулись вдоль Абы и, пройдя деревню Узатку (г. Прокопьевск), мы вскоре прибыли в Афонину (Киселёвск)».

Добравшись до заветной цели, Пётр Чихачёв вместе с помощниками стал скрупулёзно изучать афонинские окрестности. Его они интересовали ещё и тем, что ископаемые материалы состояли из рыхлого песчаника, содержащего обломки каменного угля.

Далее путь экспедиции лежал в сторону Салаирских рудников. И везде Пётр Чихачёв собирал образцы каменного угля, которые впоследствии передал в Париже на исследование в химическую лабораторию, где дали высокую оценку его качеству...

Через восемь лет, в 1850 году, около деревни Афонино началась незначительная добыча угля из мелких штолен для нужд Томского железоделательного завода. Через четырнадцать лет, в 1864 году, добыча прекратилась с закрытием завода.

Только в тридцатые годы прошлого столетия началось невиданное по масштабам строительство шахт, и как раз в том районе, отмеченном Петром Чихачёвым как Кузнецкий угольный бассейн.

А что же Афонино? В конце девятнадцатого века здесь появилась Петропавловская церковь, превратившая деревню в село. А когда весной 1941 года наша семья поселилась в Афонино, это уже был промышленный угольный посёлок.

Сохранилась и Петропавловская церковь, где в 1951 году венчались моя старшая сестра Полина с мужем Михаилом.

Помню то венчание и как служитель церкви держал короны над их головами. Они прожили долгую, более пятидесяти лет, совместную непростую жизнь и похоронены (царство им небесное) в городе Кургане.

Кстати, Полина с Михаилом работали (она недолго, до производственной травмы) на шахте «Краснокаменная», расположенной в посёлке Афонино.

Возвращаясь к чихачёвской экспедиции, следует отметить, что он, Пётр Александрович Чихачёв, блестяще справился с поставленными заданиями и положил на стол российскому императору Николаю Первому не только карту с начертанными границами Кузнецкого угольного бассейна, но и обозначил границу с Китаем, которую не сразу, а всё-таки через несколько лет признали китайцы...

Недавно в ближайшем супермаркете купил три короба спичек для хозяйственных нужд. Дома с немалым удивлением обнаружил, что на них изображён в цветном виде Чингисхан. С каких это пор он стал национальным героем для руководства спичечной фабрики, расположенной на территории России?

Я не предлагаю этому спичечному руководству разместить на коробке портрет Петра Чихачёва. Уверен, что в крае есть достаточно достойных земляков, прославивших местность.

Но имя Петра Александровича Чихачёва должно быть увековечено на территории Кузбасса.

Во-первых, в городе Киселёвске, где в деревне Афонино (будущий Киселёвск) экспедиция Чихачёва изучала найденные пласты каменного угля в 1842 году.

И было бы правомерно присвоить его имя Киселёвскому горному техникуму, которому в 2022 году исполнится семьдесят пять лет. Ведь он настоящая кузница горняцких кадров.

Во-вторых, столица Кузбасса, город Кемерово, несомненно заслуживает стать местом для памятника Петру Александровичу Чихачёву, определившему контуры Кузнецкого угольного бассейна и назвавшего его крупнейшим в мире по запасам чёрного золота.

ИЗ ШКОЛЫ В ШКОЛУ

Два года в Новосибирской области был неурожай. Наша семья жила в сельской местности и, чтобы не умереть с голоду, отец завербовался на одну из кузбасских шахт.

Так весной 1941 года мы оказались в посёлке Афонино города Киселёвска, где уже было десять шахт. Только в Афонино их было три.

Сначала жили в землянке, а потом, в 1942 году, когда на фронте дела стали совсем плохи и отца призвали в армию, хотя в семье оставалось пятеро детей, нам выделили квартиру в одном из двенадцати бараков около Четвёртой шахты, где работал отец.

Большую часть посёлка, где мы жили, составляли бараки. Они уходили от Четвёртой и Шестой шахт в четыре ряда, обнимаемых с двух сторон железнодорожными ветками. По ним круглые сутки вывозили уголь, а назад возвращались вагоны или порожняком, или гружённые рудстойками. Весной и осенью да и во время летних проливных дождей стояла непролазная грязь, и, чтобы в ней не утонули работники шахт,

были проложены многокилометровые деревянные тротуары.

Белый снег в нашем посёлке Афонино видели редко и только в тот день, когда он выпадал. Уже на следующий день он становился сначала серым, а потом и чёрным от угольной пыли. Оттого и весна приходила рано, едва начинало припекать солнце.

В этих бараках жили трудящиеся ближайших шахт, то есть пролетариат, и неспроста улица, на которой располагались бараки, носила имя великого пролетарского писателя Максима Горького.

Как мы выжили – трудно представить! Ведь старшей из нас, Полине, было всего двенадцать лет! Ей пришлось насовсем бросить школу и помогать маме.

Спасло то, что осенью 1943 года отец вернулся с фронта инвалидом и устроился работать в пожарную часть на мизерную зарплату.

Зима. Шахтёрский посёлок Афонино. Мимо бараков в сторону «финских» домов проносится кошёвка, запряжённая статным жеребцом. Это начальник шахты едет на обед. Её руководство живёт в специальных, «финских» домах на два хозяина. Осенью 1946 года я пошёл в первый класс школы, расположенной напротив этих домов. И со мной в классе учился Митька, один из трёх сыновей начальника шахты. Мне было интересно, что же ест его отец в обед? Чем питаются жители бараков, я знал, так как наша семья жила в одном из них. И когда мы уже через пару недель все в классе перезнакомились, я отвёл Митьку в сторонку и поинтересовался, чем его отца кормят в обед. Он не стал выпендриваться и рассказал, что папка его очень любит борщ со сметаной, а на второе обязательно мясо или котлеты с гарниром. Митька помолчал немного, соображая, видимо, стоит ли об этом говорить. И всё-таки не выдержал и выдал тайну, что перед тем как папка приступает к поеданию борща, мамка ему наливает полстакана водки. «Для аппетита», – добавил Митька...

Мне, тогдашнему первоклашке, непонятно было, отчего у начальника шахты портился аппетит. И лишь спустя тридцать лет, наевшись досыта руководящей работы, я понял причины испорченного аппетита Митькиного папки.

Это могли быть «неприятности» на работе: аварии, взрывы, невыполнение плана, смертельные случаи и следовавшие за этим «оргвыводы» парторганов, когда можно было лишиться не только аппетита или работы, но и жизни.

Когда я окончил первый класс в семилетней школе № 3, несколько учеников, в том числе и меня, перевели в другую, под номером 13, так как Третья школа была переполнена.

Тринадцатая школа, четырёхлетка, находилась у дороги, между шахтами Четвёртой и Пятой, и располагалась в небольшом деревянном доме. В ней было печное отопление. В небольшом зале, где мы бегали на перемене, стоял бак с водой, а рядом, на табурете, кружка на цепи, куда набирали воду, открыв краник бачка, чтобы напиться. Туалет – на улице.

Помню нашу учительницу Анну Петровну, немало похожую на певицу Валентину Толкунову...

Это было зимой 1949 года. Я учился в третьем классе. Уже заканчивал делать домашние уроки, когда почтальон принёс письмо. Мама достала рубль, отдала его почтальону, так как письмо было без марки, передала письмо мне, чтобы я его прочитал. Мама с папашей (так звали мы в семье отца), которые были в это время дома, оба малограмотные. Оно было из Сарabalыка Новосибирской области от сестры отца. Сестра передавала приветы от своих домочадцев, спрашивала, как у нас дела, какие новости.

Мама, выслушав, сказала:

– Вася, вот ты и напиши.

Я удивлённо посмотрел: «Да я ж ни разу не писал писем!».

Помню тот день. Мама, как всегда, стояла у плиты, варила суп-кулеш. Этот суп варится с добавлением пшёнки, а заправляется поджаренным луком и кусочками сала. Запах супа-кулеша я помню до сих пор.

– А как начинать письмо? – спросил я родителей.

Мама говорит:

– А как в том письме, что получили, так и пиши: «Добрый день, весёлый час, пишу письмо и жду от вас».

– А дальше?

– Ну напиши, что у нас всё хорошо, дети все учатся, а старшая Полина пошла работать на шахту, на участок транспорта, а папаша валенки подшивает всем соседям, кто просит. Более нет новостей.

– А заканчивать письмо как?

– Вася, ну ты посмотри, как твоя тётка пишет.

– Ждём ответа, как соловей лета.

Так я начал писать письма и пишу до сих пор. Люблю получать их. Но получать письма можно тогда, когда ты их пишешь.

Мы ещё оканчивали второй класс, когда возле деревянного здания административно-бытового комбината Четвёртой шахты, недалеко от барака, в котором мы жили, начали огораживать будущую строительную площадку высоким глухим деревянным забором. На четырёх его углах возвели наблюдательные вышки.

Из рассказов взрослых мы, пацаны, уже знали, что будут строить новое двухэтажное здание административно-бытового комбината. И что строить его будут военнопленные немцы.

Их по утрам стали привозить на американских автомобилях-студебекерах, крытых брезентом, у задних бортов которых сидели по два автоматчика с овчарками. Заехав на строительную площадку, эти автоматчики занимали места на угловых сторожевых вышках.

Здание бытового комбината немцы строили из шлакоблоков, изготавливаемых здесь же, на стройке. И за два года здание было построено.

А в освободившееся старое здание (длинное, деревянное) завезли парты, повесили классные доски. Так получилась школа-семилетка. Ей присвоили номер 25.

И в пятый класс я пошёл учиться в неё. В ней же по окончании седьмого класса нас настигла печальная весть о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина...

*Год полсотни третий –
Некролог в газете:
«Умер Коба-Сталин».
Все народы встали!*

Встали и мы, ученики. Нас выстроили в длинном полутёмном коридоре. Директор школы Николай Васильевич Хохлов сказал краткую речь и сообщил о кончине вождя. Некоторые учительницы плакали.

Когда немецкие военнопленные закончили строительство бытового комбината, их больше не привозили, а заменили пленными японцами, которые стали строить более мелкие объекты на шахтной территории, но уже не из шлакоблоков, а из привозимого кирпича, произведённого на Афонинском кирзаводе.

Помню их, японцев, марширующих в небольших строевых колоннах, сопровождаемых нашими охранниками.

К японцам отношение было совсем не строгое. Им даже отвели место в гардеробной шахтовой мойки, где они мылись после работы.

Военнопленные японцы привнесли часть своей национальной культуры в наш быт. Чтобы

не ходить в мойке по грязному бетонному полу, они изготовили из деревянных отходов местной лесопилки сандалии с брезентовыми ремешками. Брезент они добывали из отходов транспортной ленты, раздирая её на слои щипцами. Сегодня подобную обувь называют сланцами.

Долгое время и после отбытия японцев их изобретением пользовались не только шахтёры, но и мы, «нешахтёры», когда нам по субботам разрешалось мыться в мойке. Позже появились отечественные резиновые сланцы...

Первого сентября 1953 года мой путь лежал уже в настоящую среднюю школу № 16, расположенную в трёх километрах от барака, где мы жили, и находящуюся в самом центре посёлка Афонино, где ещё можно было встретить старинные рубленые дома с тесовыми крышами и резными ставнями – остатками старой деревни Афонино.

И если от Шестнадцатой школы, в которой мне предстояло завершить среднее образование, пройти вниз по дороге и немного подняться на начинающийся холм, то на нём и стоит до сих пор действующая Петропавловская церковь. В неё и привела мама меня, восьмилетнего, летом 1948 года, где меня, втихую от советской власти, крестили.

35

*Афонинская церковь святых Петра и Павла,
открытие которой состоялось в 1882 году*

А выше церкви, метров через пятьсот, среди берёз и осин располагается территория большого афонинского кладбища. Там на старых захоронениях ограды, кресты и памятники настолько потемнели от впитавшейся в них угольной пыли, что их нельзя ни отмыть, ни оттереть мылом и порошком.

И немудрено – ведь все последние годы советской власти да и теперешние начальние, «несоветские», уголь в Киселёвске добывали практически в черте старого города, а особенно в посёлке Афонино. Достается городу и от действующей обогатительной фабрики, от пыли которой рядом расположенные огороды чёрные круглый год.

А потому чуть в стороне строится новый город Киселёвск, в районе железнодорожной станции Красный Камень. И зона отдыха стала поближе. Она располагается по обоим берегам реки Чумыш.

В новом городе возведён прекрасный храм во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница».

12 октября 2003 года на его освящение ждали патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, но он заболел. И освящать новый киселёвский храм прилетел сегодняшней патриарх, а в то время митрополит Кирилл. Свою приветственную речь он закончил словами: «Вы все должны быть в Кузбассе одной православной семьёй».

ПАПАША

Мама долго прятала от нас, детей, фотографию отца, привезённую с фронта. Впервые я увидел её только в тринадцать лет, когда в сумке, где хранились семейные документы, искал свидетельство о рождении, затребованное школой.

Фотокарточка была небольшой. На ней – стриженная голова, печальные, наполненные смертельной болью глаза и нос. Нижней части лица не было. Её снесло осколком. Наверно, хирургии санитарного батальона попросили военного фотографа оставить отцу на память то, что было у него с лицом до того, как они собрали его.

Папаша долечивался после медсанбата в Красноярском военном госпитале. Позже, окончив школу, я поеду в этот город учиться, чтобы увидеть тот госпиталь.

Челюсть с искусственными зубами цеплять было не за что, и мама варила папаше супы и каши. Хлеб он всегда крошил и размачивал в супе, чтобы легче было глотать.

У отца, выходца из большой крестьянской семьи, были золотые руки, умеющие делать всё. Он был и плотником, и сапожником. Папаша готовил дратву для подшивки валенок. Это был побочный заработок. Основная работа отца – рядовой боец в пожарной части. Ему каждую осень и в начале зимы приносили изношенные валенки, а он подшивал к ним подошвы. Делал он это так мастерски, что заказчики не узнавали свои старые валенки и цокали языками.

Сначала он готовил дратву. В косяк окна двухкомнатной квартиры барака, где мы жили, был вбит большой гвоздь, на который папаша натягивал нитки. Если заказчик приносил тонкие, то он делал дратву из шести ниток, а если толстые – из трёх. Он набрасывал нитку на гвоздь и отходил до двери, а это было расстояние метра три, а потом накидывал следующую. И куском вара начинал драить их, пока не получалась крепкая чёрно-смолянистая дратва. Затем начинал делать из наколотой щепы маленькие деревянные гвоздики длиной десять-двенадцать миллиметров.

А ещё он просил заказчика принести старые валенки, из голенищ которых делал подошвы. Если голенища были тонкие, то он их делал в два слоя, предварительно прошив в несколько рядов. У него было специальное шило с крючком, с помощью которого и пришивалась подошва к валенку.

Изюминкой папашиного сапожного творчества было изготовление каблучка на заднюю часть подошвы. Когда он оказывался простяжённым и пришитым к подошве, начиналось самое главное – крепление его окончательно теми маленькими деревянными гвоздиками. Для чего? Да чтобы дольше не истирался!

Когда в нашем хозяйстве появилась корова, она вдоволь была обеспечена и сеном, и тёплым стойлом. В обмен на заботу она давала столько много молока, что даже для такой немаленькой семьи его хватало. Появились творог, сметана, масло.

КОСТЯ, ВЕРА И ГРАФ КАРАМБОЛЬ

Костя Самоваров появился в первом классе с начала третьей четверти, после зимних каникул. Их семью поселили в угловой квартире на первом этаже нашего барака. У Кости была сестра Вера, лет на восемь старше его, и бородастый отец, как позже выяснилось, отличный кузнец. Отца звали Григорием, но Костя почему-то

называл его дедушкой, а Вера – папой. Ходили слухи, что их семья была репрессирована. Они раньше жили где-то в таёжном посёлке Красноярского края, где и умерла Костина мама.

У Григория с устройством на работу проблем не было. С Костей мы быстро сдружились и часто бегали после уроков в шахтёрскую кузницу. Отец баловал сына, у которого частенько водились карманные деньги. Однажды Костя принёс в класс портфель, который вместо учебников и тетрадей был заполнен самодельными сахарными цветными петушками на палочках. Ими в то время бойко торговали тётки на базарах. Естественно, уроки были сорваны, и учительница отправила Костю домой за отцом.

Вечером почти все ребяташки, живущие в бараке, пропадали у них. Отец-кузнец, сильно устававший на горячей работе, спал за занавеской, а мы, прилепившись к раскалённой печке и разинув рты, слушали Веру. Электричества в те годы ещё не было. Рассказчица она была необыкновенная. Героем её повествования был граф Карамболь, чем-то смахивающий своими похождениями на графа Монте-Кристо. Все, приходящие к Самоваровым мальчишки и девчонки, по очереди приносили с собой мытую картошку. Тот, кто вечером дежурил, готовил чугунную дверку печки к жарке картофеля. Когда печка от горящего угля раскалялась, внутреннюю сторону чугунной дверки мокрой тряпкой оттирали от гари и на неё накладывали нарезанный кружочками картофель. Он моментально прилипал к дверке, дверца закрывалась – и через мгновение еда готова. Это было объедение – чипсы по современному.

Вериним талантом рассказчицы я восхищаюсь до сих пор. Про графа Карамболя она рассказывала ежедневно и всю зиму до самой весны. Где была правда, а где она присочиняла, нам, малолеткам, не читавшим этой книги, было не понять.

С Костей вместе проучились до весны 1953 года. Пятого марта, в день смерти Сталина, быстро вывесили траурные флаги. Мы ещё не знали, что вождь умер. Кто-то в классе, увидев в окно траурный флаг на соседнем административном здании, вслух спросил: «А по какому поводу его вывесили?». Костя моментально сказал, что наверно, кобыла на конном дворе сдохла.

Сразу же вызвали Костиного отца в школу. Он в то время уже сильно болел, и у него не выдержало сердце.

Вера в те годы уже дома почти не жила, связавшись с какими-то хулиганами. Костя уехал из Киселёвска, его забрал дядя. Больше я его не видел.

ЛАЗАРЬ КАГАНОВИЧ

Иосиф Виссарионович не был жадным человеком. Он милостиво разрешал своему советскому народу называть колхозы и заводы, фабрики и города, корабли и пароходы не только своим, но и именами преданных ему соратников. Угольный Киселёвский трест после войны носил звание наркома Лазаря Моисеевича Кагановича.

Ещё весной 1956 года перед выпускными экзаменами наша классная руководительница Валентина Андреевна Черепанова со своим мужем учителем географии Фёдором Фёдоровичем свозили нас на экскурсию в город Сталинск (ныне Новокузнецк) на металлургический комбинат с прицелом на то, что кто-нибудь выберет профессию сталевара. Действительно, несколько выпускников так и сделали. У меня же после пребывания в огнедышащем цехе такого желания не появилось. Но не захотелось становиться и шахтёром. В нашей семье их было уже предостаточно. Братья Николай и Алексей, сестра Полина, зять Михаил, жены братьев Валентина и Зинаида – все уже работали на шахте. Как потом окажется, что и Иван, муж второй сестры Наташи, тоже шахтёр. Посчитал, что Лазарь Моисеевич не обидится, если я не пойду по их стопам.

Мы с пятью одноклассниками решили ехать в Красноярск и поступать в Лесотехнический институт. Я и не думал тогда, что уже через три месяца свижусь там с живым Кагановичем.

Под списками поступивших в институт висело объявление: «1-го сентября – все на сельхозработы!». Урожай зерновых в том далёком 1956 году выдался в Красноярском крае отменным. Мы, студенты, работали наравне с селянами в две смены. Работал я на копнителе. Пыль, колкая солома, неимоверно тяжёлая работа для шестнадцатилетнего подростка, к концу смены сил почти не оставалось.

Награждать край орденом Ленина за сверхвысокий урожай приехал сам Лазарь Моисеевич, член Политбюро, член ЦК КПСС и так далее и тому подобное. Красная площадь Красноярска, где проходил вечером митинг, заполнилась до отказа. Высокий московский гость выступал с балкона Дома советов. На нём было

серое пальто с серым каракулевым воротником и серая каракулевая же шапка.

Ещё долго, почти до Нового года, его фотографии стояли в витринах центральных магазинов по проспекту Сталина.

Но уже весной 1957 года Лазарь Моисеевич был снят со всех постов за участие в антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шипилова.

РУДОЛЬФ ПЛЮКФЕЛЬДЕР

Толя Шабалов, однокурсник, посмотрел на меня недоверчиво и как... на сумасшедшего. А я всего-то и сказал ему, что Рудик ежедневно пробегал по тротуару мимо нашего барака на тренировки, а иногда и останавливался как раз напротив наших окон. Над нами проживали брат с сестрой Ваня и Рая Кошкины: Ваня, небольшой плотный крепыш, чуть заикающийся, со своим дружкой Лёшей Вахоным занимался в тяжелоатлетической секции, располагавшейся рядом в общежитии. Иногда Лёша ночевал у друга. Рудик ждал, когда друзья спустятся, и они вместе шли поднимать тяжести.

Об этом я и рассказал (мы учились на втором курсе Красноярского технологического института) Анатолию, внимательно следившему за чемпионатом СССР по тяжёлой атлетике, который проходил в Москве в 1958 году, где Рудольф впервые стал первым в стране.

Спасла меня газета «Труд», опубликовавшая огромную статью о новом чемпионе, где Рудольф рассказал, что начинал он свои первые занятия в маленьком сибирском шахтёрском городе Киселёвске.

НИКИТА ХРУЩЁВ

Он прилетал в Красноярск из Пекина, где первого октября 1959 года праздновали десятилетие образования Китайской Народной Республики. Естественно, краевые власти к визиту стали готовиться заранее. Мы, студенты, со всеми красноярцами мыли и подметали улицы города. Красили высокие деревянные свеженькие заборы, скрывающие неприглядные места по пути предполагаемого следования Никиты Сергеевича.

Как же хотелось увидеть его живьём, тогда ещё в зените славы.

Как назло, в день визита моросил нудный дождик. Несмотря на непогоду, весь путь движения кортежа был заполнен людьми. Хрущёв ехал

в правительственном чёрном лимузине, где даже стёкла были закрыты. Всё, что я успел запомнить, это улыбку на его лице и бородавку.

На второй день состоялся многотысячный митинг на территории комбайнового завода. Потом долго ходили слухи, что одну старушку затоптали при этом.

И лишь спустя сорок лет мир узнал, что Никита Сергеевич прилетал в Красноярск совсем не комбайны смотреть. Краевое партийное начальство показывало московскому гостю уникальный завод, вырубленный в скале на правом берегу Енисея. Пирамида Хеопса – игрушка по сравнению с этим гениальным сооружением. Продукция завода – оружейный плутоний. Долгое время этот сверхсекретный объект назывался по-разному: почтовый ящик «Девятка», Красноярск-26. Сегодня он известен как Железногорск.

ДЕД МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ

Весна 1961 года. Я пропадал в институтской библиотеке, собирая материал для дипломной работы.

В один из таких дней пришла телеграмма из дома. В ней два слова: «Умер дед».

Он появился в нашей семье, когда я уже стал студентом. Михаил Леонтьевич, дед по отцовской линии, оставшись один, не захотел жить в деревне у дочерей, запросился к сыну Степану. Так он оказался в Киселёвске. Дед был сухоньким и светленьким, чем-то похожий на Александра Васильевича Суворова. У нас с ним были очень короткие встречи, потому что я приезжал только на каникулы, причём летом у нас была ежегодная длительная производственная практика.

Приехал домой утром в день похорон деда. Светило яркое солнце, от земли шло испарение. Брат Николай попросил меня сделать надпись на деревянном кресте. Нашёл в ящике комода увеличительное стекло. На прислонённый к завалинке барака крест падал солнечный свет и выжигать на нём буквы было нетрудно. Я водил горячим лучиком по написанным карандашом буквам и думал, что никакой дождь не смоет их, пока не сгниёт крест.

Осталось подписать дату рождения. Нашли паспорт деда и подали мне. Я открыл его и обомлел. Михаил Леонтьевич родился в... год отмены крепостного права в России – в 1861 году!

Прожив сто лет, он до последних дней каждую субботу ходил в баню к внучке Полине, жившей в частном доме. Её муж Михаил до сих пор

38

вспоминает, что дед, попарившись, не отказывался от «положенных» ста граммов и, чуть зашмелев, тоненьким голоском всегда запевал одну и ту же песню:

*Красно солнышко взошло,
Месяц закатился...*

Когда в 1995 году на Афонинском кладбище хоронили старшего брата Николая, то в тот же день заменили подгнивший крест и на могиле деда.

ЮРИЙ ГОНЧАРОВ

Это ему, Юрию Гончарову, руководителю любительской киностудии из Киселёвска, вручал в Москве приз за первое место известнейший в мире советский кинорежиссёр Григорий Рошаль. Знаменитый автор фильмов «Петербургская ночь», «Мусоргский», «Хождение по мукам» был председателем конкурсной комиссии любительских фильмов. И таких наград у Юрия Ивановича было не счесть. Ведь всего им снято более ста восьмидесяти фильмов, два из которых – по моим сценариям...

Киностудия располагалась в левом крыле первого этажа Дома техники. Она по праву стала называться народной. В ней всегда было многолюдно, там собирались творческие люди Киселёвска, там мы и познакомились. Закономерно, что героями фильмов Юрия Гончарова были шахтёры и машиностроители.

В конце семидесятых годов, когда мебельная фабрика вошла в число лучших предприятий города, руководитель киностудии предложил мне снять фильм о мебельщиках. Мне, тогда работавшему главным инженером, хотелось показать роль рационализаторов в техническом перевооружении производства. Я написал короткий сценарий, и двадцатиминутный фильм стал своеобразным и для многих удивительным подарком к двадцатипятилетию фабрики.

В те годы в стране главенствовал знаменитый лозунг генсека Леонида Ильича Брежнева: «Экономика должна быть экономной!». ЦК партии принуждал все парторганизации включиться в борьбу за экономию сырья и материалов, снижение себестоимости продукции.

Так родился на этой почве второй (и так же 20-минутный) фильм «Что нам стоит стол построить?», который мы показали на проходившем в Киселёвске областном совете директоров

объединения «Кемерово-мебель». Присутствовавшему на нём важному партийному боссу из обкома КПСС фильму так понравился, что он «приказал» продемонстрировать его на областном телевидении, что Юрий Иванович и сделал.

Сегодня гончаровской киностудии в Киселёвске не стало. Новые времена, новые песни, новые фильмы. Сейчас востребованы фильмы про «братков», олигархов и сериалы-пустышки с закадровым идиотским смехом. Делать такие фильмы у Юрия Ивановича руки не приспособлены.

МАРИЯ УЛЬЯНОВА И МИХАИЛ КАЛАШНИКОВ

Это был 1970 год. Страна только что пышно отпраздновала столетие со дня рождения вождя революции, но праздничное настроение у страны продолжалось. Ей, стране, дико повезло. В Тюменской области рекой лилась нефть. Новые скважины открывались чуть ли не еженедельно. В страну потекли нефтерубли, а в Тюменском крае чуть ли не ежемесячно рождались герои. Герои Соцтруда.

В Тюменской области рождались новые города...

Тогда руководство Союза журналистов придумало удивительную командировку для коллектива сибиряков, чтобы они, увидев эту новую жизнь тюменцев, о которой уже слагали песни, рассказали о ней в своих газетах. На Новосибирском речном вокзале нас, счастливчиков, разместили в уютных каютах великолепного белоснежного теплохода, на борту которого красовались большие золочёные буквы: «Михаил Калашников».

Нам предстояло путешествие вниз по Оби и встреча с героями-нефтяниками.

Распорядок дня, пока мы шли на теплоходе по Оби, был таков: до шестнадцати ноль-ноль нам читали лекции, а потом свободное «плавающее» время. Лекторами были ветераны, зубры журналистики из центральных газет и с факультета журналистики МГУ. На первом же занятии мы избрали старосту группы, огромную и громкоголосую Анну Ивановну.

После занятий в нашем распоряжении оказались не только прибрежные красоты, но и теплоходский буфет, где продавались в розлив армянский коньяк и дефицитнейшее по тем временам пиво, да какое! Чешское в миниатюрных бутылочках по триста тридцать граммов! Коньяк нам был не по карману, его употребляли лекторы-москвичи, а на пиво, слава богу, командиро-

вочных хватило. Благо, что вяленая, сушёная, копчёная рыба была на берегу, куда иногда причаливал наш «Михаил Калашников».

После второго причаливания все журналисты невольно обратили внимание, что один из членов их группы заметно веселее их. Это был ветеран-журналист Пётр Петрович из небольшого сибирского городка Ю. Как потом окажется, он обладал большим командировочным опытом и прихватил с собою пару бутылок водки «Столичной».

И прежде чем идти в буфет за чешским пивом, П. П. в каюте принимал стопарик водочки. К вечеру нашего путешествия теплоход «Михаил Калашников» в третий раз пристал к берегу. Мы высыпали на сушу, где стали дегустировать и запастись вяленой рыбёшкой. Через минут пять недалеко от нас причалил теплоход, точная копия нашего. Разница была лишь в названии. Клон назывался женским именем – «Мария Ульянова»*.

Советский Союз закупал их в Германской Демократической Республике. Подобные теплоходы ходили по Волге и по всем сибирским рекам.

Пётр Петрович после тройного захода в свою каюту был уже «хорош» и, набрав закуски к пиву, поднялся по трапу не на своего «Михаила Калашникова», а на чужую «Марию Ульянову». Их нельзя было не спутать!

Посадку нашу объявили раньше. Староста Анна Ивановна, пересчитав нас по головам, одного, естественно, не досчиталась и задёргалась. Её лицо налилось кровью, и тут ей кто-то подсказал, что «недостающее звено», а именно П. П., просматривается на палубе соседнего теплохода. Анна Ивановна, буквально выхватив рупор у члена экипажа теплохода, во всю глотку заорала-завизжала: «Пётр Петрович! Немедленно слезь с «Марии Ульяновой!»». Пётр Петрович, будучи в хорошем расположении духа, спокойно хрумкая рыбёшкой, любовался красивейшим закатом солнца. А Анна Ивановна, ещё более свирепея, на всю прибрежную территорию орала охрипшим голосом: «Пётр Петрович! Срочно слезай с «Марии Ульяновой!!!» Это звучало так сексуально, что пассажиры обоих теплоходов падали навзничь от хохота, а некоторых на «Михаиле Калашникове» успели схватить, чтобы они не перевалились через борт. Кто-то из сердобольных журналистов с разрешения нашего капитана поднялся на «Марию Ульянову» и привёл Петра Петровича на родное судно...

Анну Ивановну ещё долго трясло. А успокоившись, она тут же создала комиссию, которая нагрянула в каюту «перебежчика» и конфисковала остатки «Столичной». В последний день командировки водка была торжественно возвращена её владельцу, который не стал её употреблять втихаря, а поделился с коллегами.

С планом командировки мы справились. Встречались с руководителями области и героями-нефтяниками. Были одними из первых пассажиров в поезде Тюмень – Тобольск, посетили музеи области.

Возвратившись из той удивительно-интереснейшей и незабываемой командировки, я разразился двухсерийным очерком «Тюменский меридиан», который был отмечен на летучке редакции киселёвской газеты «В бой за уголь»...

Летом прошлого года по радио России услышал удивительную новость – по Енисею совершает круизные поездки теплоход «Михаил Калашников». Неужели тот? Тридцать три года ходит!

ВАЛЕРА ЗУБАРЕВ

Да, именно так – Валера – я называл его все сорок четыре года знакомства и дружбы с ним. А он меня звал Васей...

70

Мы познакомились в комсомольском возрасте, когда я работал заворгом в Киселёвском горкоме комсомола, а Валера мастером и избранным секретарём комсомольской организации в профтехучилище № 47, готовящим рабочие кадры для шахт города. Он приводил учащихся для приёма в комсомол на заседания бюро ГК ВЛКСМ.

Там же, в училище, Валера получил первую получку.

*О, эти первые недели!
Давай-ка, парень, не дремли...
Не понимал я, как хрустели
В руках у матери рубли.
Когда, чертя на промокашке,
Ворча за что-то на отца,
Перебирала мать бумажки,
Хрустела ими без конца.
Но вот она, моя получка
За первый настоящий труд!
За мной весёлая толкучка,
Из рук выпархивает хруст.
И душно так, и так неловко,
Глаза... Усмешки на губах...
Хрустели в первый раз рублёвки,
Как будто уголь на губах.*

* Родная сестра В. И. Ленина.

В училище он проработал около года... А потом в 1968 году, почти одновременно (я чуть раньше) мы оказались в городской газете («В бой за уголь»). Я – потому что у меня закончился комсомольский возраст, а Валере нужна была преддипломная практика, так как он оканчивал учёбу на филологическом факультете Новокузнецкого пединститута.

Мы оба работали в промышленно-транспортном отделе, где Валера проявил себя как автор с образным литературным языком.

Вечерний путь после работы в редакции мы проходили пешком. Сначала вниз по улице Феликса Дзержинского, минуя Томский железнодорожный переезд, до дома родителей Валеры. Их квартира располагалась на первом этаже двухэтажного дома, рядом с горным техникумом, где преподавал его отчим Михаил Трофимович Зубарев, о котором он напишет (сборник стихов «Час пик», 1988 год):

*Так чем же ты
Дух мой вскормил
И послевоенное тельце,
Что я полюбил этот мир,
Такой разобцённый и тесный?*

Мама, Наталья Ивановна, звонившая сыну, иногда говорила: «А вы с Васей заходите – я пирожки как раз настряпала». И мы заходили. Это были удивительно вкусные пирожки! С картошкой, капустой, мясом. К ним подавался татарский чай. Это чай, заправленный молоком. Потом Валера тепло прощался с родителями (он жил отдельно), и мы уходили.

Валера шёл на автобусную остановку, а я – к своему, через квартал, дому. Я навсегда запомнил, как Валера в такие моменты, часто оглядываясь, махал маме рукой...

Во второй своей книжке – «Магнитное поле», вышедшей в 1974 году, он напишет пронзительные строки:

*Когда мне мать прощально машет,
Как будто крестит из окна
И, забываясь, будто манит...
Во мне какая-то вина.
Одно во мне, как искра в труте:
Ведь если даже я стежу
тропинку к маме,
Я, по сути,
всё дальше, дальше ухожу...*

А иногда мы с ним заходили к нам, где, устроившись на кухне и приняв по «соточке», разговаривали о жизни, а я просил Валеру почитать стихи.

И вот однажды он начал читать своё недавно созданное стихотворение:

*Пройду по селу, что шёлк постелю.
Бойки девушки, словно присказки.
Точно сказочки, мудры бабоньки.*

Он читал медленно, в стиле рэп:

*Да рубаха моя не плисова ль?
И порточки мои ль не бархатны?
Сапоги мои не сафьяновы?*

Я не удержался. Достал из шкафа гармонь и стал ему подыгрывать. Это так понравилось Валере, что в своей первой книжке «Говорил со мною ветер...», вышедшей в 1970 году, это стихотворение он посвятил мне.

Все три года моей работы в газете запомнились ещё тем, что при ней очень плодотворно действовала литературная группа, руководимая самобытным поэтом Александром Алфёровым. В той группе заметными были поэты: слесарь-наладчик шахты имени Вахрушева Валерий Фесенко, механик Тайбинской автобазы Виталий Писарев, сам руководитель группы редактор многотиражной газеты «За уголь» Александр Алфёров и, конечно, Валерий Зубарев. Заметным явлением для литгруппы стал выход первой книжки В. Зубарева «Говорил со мною ветер...». Усилил литературную группу и переехавший из Белова молодой Володя Ширяев.

Летом 1971 года я вернулся на мебельную фабрику, а бразды правления промышленно-транспортным отделом газеты передал Валере. Я с головой ушёл в работу, и года три мы редко виделись с ним, тем более что он стал собкором газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселёвску, переехав жить в Прокопьевск.

В те далёкие советские годы, когда ещё и не знали, что такое бронированные входные двери, большинство владельцев квартир утепляли входную дверь. Технология утепления была простая: дверь снимали с навесов, прокладывали слой ваты, укрывали дерматином, который прибавляли декоративными гвоздиками. Но своеобразность той поры в том, что это было время сплошного дефицита! Гвоздиков декоративных у Валеры, задумавшего утеплить дверь получен-

ной квартиры, не оказалось. Он звонит мне: «Вася, подскажи, как дерматин закрепить?». Я и подсказал ему – использовать обыкновенный гвоздик и канцелярскую кнопку. Валера воспользовался моим советом – так и родилось стихотворение «Творец».

*Я обиваю двери дерматином...
С тоскою о гвозде декоративном.
Я гвоздики обычные беру,
Их в кнопки канцелярские вставляю,
Свою жену смекалкой удивляю,
Чем приобщаю к миру и добру.
А между тем успех мой незаконный,
За ним не я, а мебельщик знакомый...*

В 1976 году, когда проходили Дни советской литературы в Кузбассе, Киселёвск принимал одного из известных советских поэтов Кайсына Кулиева. В редакции газеты «В бой за уголь» собралась литгруппа, где все её члены читали стихи, и Кайсын особо выделил Валерия Зубарева.

Тот «исторический» номер киселёвской газеты «В бой за уголь», от 3 декабря 1977 года, я храню до сих пор. Его четвёртая полоса была полностью посвящена Валерию Зубареву в связи со знаменательным событием – принятием нашего земляка в члены Союза писателей СССР! Здесь же его фотография и подборка стихов.

Наши встречи с Валерой стали постоянными после моего перевода в столицу Кузбасса, в объединение «Кемеровомебель». Именно в этот год у Валеры вышел третий сборник стихов «Мыслящий огонь». О нём стоит сказать особо, так как этот сборник, где у автора отмечалось острое чувство современности, был удостоен похвал не только у нас в стране, но и за рубежом. Сборник стал достоянием фондов библиотеки Конгресса США и Гарвардского университета.

Сборник «Мыслящий огонь» дорог мне ещё и автографом Валеры: «Моим самым дорогим Федановым, которых люблю... и по которым всегда тоскую. Блудный друг Валерий Зубарев». 16.11.81 г.».

«Почему проступает меж строк, что художник всегда одинок? – спрашивает себя поэт и отвечает: – Потому, что он любит, как Бог: сотворит... и опять одинок».

Но Валера был не одинок. К нему, в его рабочий кабинет, шли за помощью молодые и не очень молодые литераторы, в которой он никому не отказывал.

Первомайская демонстрация. Слева – Василий Феданов, справа – Валерий Зубарев. В центре – незнакомка.
г. Киселёвск, 1969 год

С 1987 по 2003 год он возглавлял Кемеровскую областную организацию писателей России. Это было непростое, наитруднейшее время не только для Кузбасса, но и всей страны.

Вот так описывает Валера то время:

*Чем старше, тем сильнее люблю Отчизну,
И круг друзей, и круговую тризну,
Где каждый другу друг и брату брат.
И каждый невинный виноват.
И эта покаянная вина
Тебя ещё не раз спасёт, страна...*

А вот себя он не спас. С его уходом из жизни поэтическое поле нашего края стало беднее и менее плодородно.

Последние годы жизни он заведовал отделом прозы редакции журнала «Огни Кузбасса».

...Мы постоянно звонили друг другу вечерами, если, например, я неделю не бывал в Доме литераторов. В ту субботу я позвонил, так как накануне, в пятницу, Валера мне показался немногим простывшим. Он долго не брал трубку.

– Вася, я простыл. Вот отлежусь и приду в норму.

– Валера, может, тебе лекарство привезти?

– Не надо, у меня всё есть, – сказал он.

А в понедельник Валера не вышел на работу.

НИКОЛАЙ АГЕЕВ

«Я всегда занят делом», – сообщил он мне в одном из писем, написанном в 2012 году, когда автору письма Николаю Константиновичу Агееву было уже... 87 лет!

В начале войны Коле шёл шестнадцатый год. Ему всё-таки досталось завоеваться два с половиной года на Прибалтийском и Ленинградском фронтах связистом в артиллерийском полку, за что и был удостоен двух медалей и ордена. Домой он вернулся лишь в 1951 году.

Вся жизнь Николая Константиновича связана с работой в киселёвской газете «В бой за уголь», где он был сначала литсотрудником, а с 1959 года редактором.

Мы познакомились в 1966 году, когда я работал заворгом в горкоме комсомола и мне предложили возглавить на общественных началах молодёжную редакцию по выпуску комсомольских номеров (раз в месяц) газеты «В бой за уголь».

Мы, комсомольцы, были в водовороте молодёжных дел, знали, как и чем живёт молодёжь. Выпуски газеты под рубрикой «Юноше, обдумывающему житьё» имели ошеломительный успех не только в городе, но и во всём Кузбассе.

Когда у меня истёк комсомольский срок, Николай Константинович пригласил в газету возглавить промышленно-транспортный отдел.

Я ему благодарен за то, как он помог мне освоить нелёгкую журналистскую науку...

Николай Константинович редактировал «В бой за уголь» тридцать лет. Возглавлял её умело, творчески, за что неоднократно признавался лауреатом журналистики Кузбасса, стал заслуженным работником культуры РСФСР, награждён орденом «Знак Почёта», а газета «В бой за уголь» в 1983 году в связи с 50-летним юбилеем была награждена Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Плодотворно работая в газете и досконально зная обо всех событиях, происходящих в городе (Н. К. Агеев был членом бюро горкома партии), он задумал написать книгу о родном городе и стал искать первые номера газеты, выходящей с 1933 года, но обнаружил лишь её подшивки с 1945 года. Как оказалось, все газеты тех лет хранились в кладовой типографии и сгорели во время пожара вместе с типографской конюшней. Пришлось ему ехать в Москву, где в архиве библиотеки им. Ленина, находящемся в Химках, обнаружили копии первых номеров. Николай Константинович долго их изучал и конспектиро-

вал, что и помогло ему написать книгу «Киселёвск», вышедшую в 1972 году.

18 октября 1972 года он подарил мне эту книгу с автографом: «Василию Феданову – романтику в душе, мебельщику на деле». В то время я работал главным инженером мебельной фабрики...

Когда он ещё писал книгу о Киселёвске, то запросил библиотеку-ленинку, чтобы она засняла на киноплёнку все номера газеты «В бой за уголь» и прислала. Но за это надо было заплатить. Спонсор был найден, и присланная киноплёнка хранится в Киселёвском краеведческом музее.

Николай Константинович провёл огромную изыскательскую работу, чтобы увековечить память о знаменитых киселевчанах, проявивших себя в годы Великой Отечественной войны. Так и появилась его вторая книга – «Солдатская память», вышедшая в 2001 году, в год 65-летия Киселёвска.

После ухода на пенсию Николай Константинович поселился со своей женой Валентиной Петровной в Нижней Ельцовке – микрорайоне Академгородка Новосибирской области.

Все последующие годы мы, хоть и нечасто, вели переписку, изредка звонили друг другу. Привожу отрывки из некоторых его писем.

Недавно написал статью в «Киселёвские вести» под названием «Мы помним тебя, Иван Черных!». 16 декабря исполнилось 65 лет его подвигу.

В последнее время занимаюсь созданием музея в местной школе. Дело хлопотное. Просто, если уж ты пошёл в газетчики, позабудь о покое.

Ваш Н. Агеев. 15.12.06 г.

2 апреля участвовал в Международной журналистской конференции в г. Новосибирске «Журналистика – категория нравственная». Много было речей и правильных, только далека теперь пресса от жизни. Герои её – преступники, миллиардеры, звёзды шоу-бизнеса <...> Доволен, что познакомился с известным журналистом и писателем Василием Песковым.

В конце мая ожидаем в гости старшую дочь Наташу, а 19 июня отметим с Валентиной Петровной 55-летие нашей свадьбы.

Ваш Н. Агеев. 28.04.08 г.

Дорогой коллега Василий Степанович!

Большое спасибо тебе за замечательную книгу «Территория совести». Я порадовался

за тебя, за твой творческий рост, за твою глубокую философию жизни и мысли.

Ваш Н. Агеев. 26.10.09 г.

Недавно был на творческой конференции по случаю 140-летия В. И. Ленина, где мне вручили памятную медаль «140 лет В. И. Ленину». А до этого получил медаль «65 лет Победы». Как говорится: солдат спит, а служба идёт.

Ваш Н. Агеев. 27.04.10 г.

...Когда не стало большого сибирского поэта Валерия Зубарева, мы, писатели Кузбасса, обратились с письмом к депутатам Киселёвска с просьбой дать согласие на присвоение одной из библиотек города его имени, мотивируя тем, что становление Валерия Зубарева как поэта произошло именно в Киселёвске.

Депутаты довольно прохладно отнеслись к нашей просьбе, оправдываясь тем, что мало знают о нём.

Тогда я обратился к Николаю Константиновичу, почётному гражданину Киселёвска, попросил помочь нам реализовать нашу просьбу.

Он откликнулся, хоть и не сразу.

Всю зиму проболел, лежал в госпитале ветеранов Великой Отечественной войны, но сейчас-то я хотел больше говорить не о себе, а о скорби по кончине Валерия Зубарева. Ведь он начинал свою творческую и журналистскую деятельность на моих глазах в редакции газеты «В бой за уголь». Это был добрый, внимательный товарищ, хороший человек. Горькая, очень горькая потеря.

Сегодня я наконец-то дозвонился до председателя Киселёвского горсовета Игуменьшева Владимира Борисовича и попросил его присвоить Киселёвской городской библиотеке имя поэта Валерия Зубарева. Он, по-моему, не знал такого, обещал посоветоваться с зав. отделом культуры Виктором Максимовичем Алифиренко.

Ваш Н. Агеев. 02.04.13 г.

Получив это письмо, я позвонил Николаю Константиновичу и сказал, что для ускорения дела неплохо бы ему написать статью о Валере в газету «Киселёвские вести». 29 августа 2013 года, когда В. Зубареву исполнилось бы 70 лет, статья «А мы тоскуем по его стихам» вышла! Статья прекрасная и пронзительная.

До «непонятливых» киселёвских депутатов наконец-то дошло, они сделали шаг навстречу, пока неполный шаг. Дали согласие на создание в городской библиотеке уголка-музея В. Зубарева.

Что ж, и на том спасибо! Подождём, когда уже избранные киселёвские депутаты окончательно выполнят нашу просьбу.

Ещё отрывки из писем Николая Константиновича.

...Мы порадовались присоединению Крыма к России. Долгожданное событие. Наконец-то ликвидировано хрущёвское самодурство!

К праздникам нас приглашают на торжественные мероприятия, фотографируют, берут интервью. В общем, не забывают.

Ваш Н. Агеев. 25.04.14 г.

Большое тебе спасибо за статью Анатолия Шестака о Валерии Зубареве. Замечательная, добрая, тёплая. Он заслужил всем своим трудом и поэзией глубокой благодарности.

Что о себе? Стал хуже ходить и видеть. Сказывается возраст, ведь нынче стукнет 90. Это что-то значит.

Ваш Н. Агеев. 22.04.15 г.

77

Накануне его 90-летия я нашёл фотографию, где он моложе лет на сорок! Увеличил до формата А4 и, вложив её в конверт, отправил в Нижнюю Ельцовку, что в Академгородке Новосибирска, со своим посвящением.

*Мы вместе с Вами в бой за уголь
Ходили, не жалея сил.
Никто не прятался за угол –
Не ныл, не плакал, не просил!*

*И город знал – его газета
Киселевчан не подведёт.
Случилось что-то, случилось где-то –
Читатель завтра в ней прочтёт.*

*И что в итоге мы имеем:
Была газета всем пример,
И был редактор Н. Агеев
Одним из лучших в СССР!*

*Ваш ученик
член Союза писателей России
Василий Феданов,
г. Кемерово, 19 декабря 2015 г.*

По последним письмам я с горечью замечал, что почерк его стремительно ухудшался, слабе-

ла рука, и летом 2017 года Николая Константиновича не стало...

Но я успел ему ещё при жизни сказать слова благодарности за его участие в моей судьбе.

ПРОЩАНИЕ С БУКВАРЁМ

Старшая из моих двух внучек, Катя, пошла нынче в первый класс.

Занимается Катя в первую смену, и уже около полудня я, внезапно ставший пенсионером, встречаю её на выходе из школы, помогая внучке осваивать новый маршрут.

Сначала заходим к Кате домой, где она переодевается, а потом идём к нам в гости. Идём не спеша от улицы Волгоградской вниз по проспекту Ленина до бульвара Строителей. Идём и переводим витринные рекламы с английского. Это своеобразная практика, ведь у Кати ввели урок английского языка.

Тех знаний, что я получил когда-то в школе, пока хватает. И это несмотря на то, что в те далёкие времена мы познакомились с английским языком только в пятом классе. А может быть, я бы не смог сегодня помочь внучке, не будь в киселёвской шестнадцатой школе превосходного учителя английского – Аркадия Васильевича Жукова, интеллигентнейшего и очень элегантного человека.

– Катя, тебе очень повезло, что уже в семь лет начинаешь изучать английский язык, – говорю я.

– Ты что, дед, удивляешься? Недавно Настя похвасталась, что и у них начались занятия английского. И она уже знает несколько слов.

Насте – три года, она младшая сестра Кати.

– Вань! Тунь! – похвалилась Настя своими навыками в английском.

А надо было «уан», «ту» (один, два). Услышав от Насти эти англо-китайские слова, её родители и сестра начали громко хохотать.

В очередной раз встретив Катю, я заметил, что она чем-то озабочена.

– Дед, – сказала она, – у меня проблема. Через неделю в нашем классе будет праздник «Прощание с букварём». И мне поручили выступить на нём. Надо стихи сочинить.

И мы с внучкой сочинили по принципу «Что вижу, о том и пою»:

Настя в кресле сидит,

Катя стоит и поёт.

Дед ей слова говорит,

Бабушка булки печёт.

Пение сопровождалось беспорядочной и бурной игрой попеременно Кати или Насти на детской пластмассовой гитаре, где вместо струн натянута леска...

– Дед, а когда ты учился в школе, у вас было прощание с букварём? – вдруг спросила меня Катя.

Я остановился на миг, не зная, что ей ответить.

– Кать, это было полвека назад, и я уже не могу вспомнить.

– Сколько это – полвека?

– Давай считать вместе. В школу я пошёл сразу после войны, в 1946 году, а окончил первый класс в 1947-м. Выходит, пятьдесят лет прошло.

...Тот послевоенный букварь я помню до сих пор. Он был старенький, так как достался мне по наследству от старшей сестры Наташи. В нашей семье было пятеро детей, я – самый младший. Как учились по тому букварю Полина, Николай и Алексей, я не знаю, но вот как его штудировала Наташа, забыть нельзя. Она зубрила домашние задания так неистово и долго, что я, не учась ещё в школе, букварь выучил наизусть. А потому учёба в школе давалась легко. Придя домой и быстро справившись с домашними заданиями, я бежал на улицу.

Игр было полно: в войну, зоску, чикку, пристенок, дорожку. Последние три игры – на деньги (на копейки, естественно). Сегодняшние ребятишки и не представляют, что это за игры!

Например, что такое зоска? Отрезается кусочек от старого полушубка (незаметно от родителей), к нему провололочкой привязывается плоский свинцовый кружочек. Когда зоской играют внутренней стороной лодыжки ноги, то она взлетает вверх, как парашют. Побеждает в игре тот, кто больше всего продержится, не уронив зоску.

Были у нас чемпионы, доводившие счёт подбросов до тысячи. Особым шиком считалось, когда игрок использовал обе ноги с перебросом зоски за спину и возвращал её, не уронив при этом.

Потом в кинотеатре начали крутить изумительный трофейный фильм «Тарзан». Вот тогда-то и пригодились копейки, выигранные в пристенок, чикку или дорожку. Пока «Тарзана» не увезли, мы, пацаны, ежедневно ходили на него смотреть, выдерживая неимоверную давку, чтобы попасть внутрь кинотеатра. Потом вечерами мы вопили благими голосами на всю округу, под-

ражая Тарзану, когда он зазывал к себе своих друзей-зверей.

У нас, послевоенных мальчишек, был свой кодекс чести. Если кто-то из друзей хотел убедить, что ты не врешь и не подведешь, то должен был услышать от тебя такие слова: «Не вру, гадом буду!». После таких слов ты обязан был расшибиться в доску, а выполнить обещание. Это было равносильно индейской клятве на крови.

Это я помнил, а вот о букваре ничего особенного не припоминалось. Когда мы закончили его изучение, то сдали книжки учительнице Анне Ивановне. Свой букварь я тоже сдал, потому что дома передавать его было уже некому.

Родившийся в 1945 году мой младший брат Митя умер, не прожив и года.

А по нашим букварям ещё несколько лет учились другие ребята до полного износа учебников. Время было трудное...

– Дед! – прервала мои воспоминания Катя. – Так ты придумаешь стихотворение на наш праздник?

– Попробую, – ответил я, сомневаясь в душе, что оно им подойдёт.

Дня через три, встретив в очередной раз внучку, я передал ей свой вариант «Прощания с букварём».

*И министры, и артисты,
Космонавты, альпинисты
И футбольный клуб «Заря»
Начинали с букваря.
Был он как отец и мать,
Научил меня читать...
И клянусь я, гадом буду,
Но букварь я не забуду!*

Так я наконец-то, пятьдесят лет спустя, простился со своим букварём.

А тем временем уже заканчивался 1997 год. По сути, шло завершение двадцатого века. Века непростого, очень непростого во всех отношениях. А впереди уже маячил век двадцать первый. Каким он будет?

Об этом не знали ни в Париже, ни в Санкт-Петербурге, ни тем более в далёком, но близком для меня сибирском посёлке Афонино. Да что в Афонино? Каким будет двадцать первый век, не знал никто на планете Земля!